

Серия
Встречное
движение

* * *

— Ну, и чего ты здесь. Уйди. Я читаю.

— Ничего ты не читаешь. Ты всё равно о другом думаешь.

— Точно; разучилась читать. Но если сначала себя заставлять, то потом, может, втянусь.

— Да не втянешься. Тебе же неинтересно.

— Ваня. Откуда ты знаешь, что мне интересно, а что нет? Я иногда читаю взрослое, это нормально. Уйди.

— Ну-ну.

— Чёрт, Ваня. Зачем ты? Что это вообще такое?!

— Что-что, а то не знаешь. Школьная повесть.

— Какая ещё школьная повесть? Про тебя, да? Скажи ещё, что ты двоечник.

— Ну, двоечник.

— Идиотизм. Кому нужна школьная повесть про двоечника? Их что, мало?

— Назови вот одну.

— Ваня, ну ты же сам понимаешь, ты же неглупый мальчишка (сними эти идиотские очки). Нельзя писать просто «школьную повесть про двоечника». Ты должен быть... Нет, он ещё нос рукавом вытирает! Детский сад. Скажи ещё, что у тебя веснушки. И... это... непокорная чёлка. Или ещё лучше — непослушные вихры. О, вот — доверчивый взгляд! Хочешь такой?..

— Вообще треш, — Ваня фыркает, выплёскивает на меня чай. Никаких веснушек у него нет.

— Ты совсем дурак, что ли?

— Дурак, да не совсем.

— Я не буду про тебя писать. Иди, откуда пришёл.

— Ну и ладно. Ну и уйду. И останется тебе только, что у меня родители — артисты. А я двоечник. Тебе слабо про двоечника, у тебя умные все, да? Олимпиады по математике. Скрипка, виолончель. Да? А если нет — то всё, тебе неинтересно? Про обычного человека...

— Перестань. Какой ты обычный; обычные вот так не приходят. Скажи лучше, чем ты такой особенный. Я пока так и не поняла.

— Потому что ты вообще мало что понимаешь. Потому что ничего не напишешь. Попробуй-ка напиши, тебе и самой не понравится — тупо, тягомотно, никто и читать не станет. Как ты говоришь — плоско, скучно.

— Стоп; брать на слабо — это вроде мой приём.

— Ну и как, работает?.. Всё равно ничего не напишешь.

— Вань. Хватит вот эту ерунду. Скажи хоть, про что писать. А? Хочешь, я тебе скутер подарю? Ваня, чего ты хочешь — всё у тебя будет!

— Да мне не нужно ничего. Я пошёл, короче.
— Нормальный человек, нет?
— Нет. Ненормальный. А ты иди спи. Или вон читай, может, вычитаешь что. Давай-давай. Я пошёл.
— Вернёшься хоть?.. Иван!

* * *

— Актёром, — говорит Джефф. — Правда, туда конкурс огромный. Чего, думаешь, я не смогу?

Он поправляет волосы — белый клочок закручивается надо лбом. Я раньше думал — идиотизм это, волосы красить, да ещё и гелем укладывать. Но сейчас смотрю на Джеффа — и у него это довольно круто выглядит. Особенно в сочетании с его дельтовидными мышцами, или что там за такие плечи отвечает.

— Туда же ещё стихи нужны, — говорит Володя Стоун. — Наизусть, с выражением! Не только физическая подготовка.

Я хмыкаю. Они что, реально думают, в актёры берут одних красавцев? Что стихи наизусть — это так, бонус к внешности?

— Даже не думай, — говорю я Джеффу. — А то ещё, чего доброго, и правда поступишь. И даже закончишь. И потом в рекламе будешь сниматься, чипсы рекламировать.

Я киваю на рекламный щит. Там парень с раскрытым ртом и выпученными глазами изображает счастье.

Джефф выпучивает глаза и раскрывает рот. Кстати, очень похоже.

Мы со Стоуном ржём, как кони, я даже задел какую-то хмурую женщину с пакетом. Она выражается в наш адрес, скажем так, неодобрительно.

— Извините, — говорю я максимально вежливо.

А Джефф вдруг спрашивает:

— Может, вам помочь пакет донести?

— Психованные какие-то, — бормочет она себе под нос и уходит от нас поскорее.

Джефф это любит, такие эффекты. Сбить человека с толку, «сломать шаблон», как он говорит. Он же не из человеколюбия ей предложил помочь, а так, удивить. Кстати, может, у него и выйдет это — актёром. Вот же дурацкая профессия.

— Я в шесть лет ходил в театр на кастинг, — говорю я.

— Ты?!

Чего они так удивляются, даже обидно. Все как-то забывают о моих родителях. Вернее, думают — актёры должны быть необыкновенные какие-то люди! А они у меня обычные.

— А, точно, — говорит Стоун. — И что, прошёл?

— Завалил, конечно. Обрадовался страшно! Я ведь не хотел, это они меня потащили. Вы же себе не представляете, какая у них там работа, в театре: ни сна ни отдыха измученной душе!

— Это Пушкин? — на всякий случай спрашивает Джефф.

— Сам ты Пушкин! Поступать ещё куда-то собрался! Это опера, «Князь Игорь» называется. Композитора Бородина.

— Который химик, — уточняет Стоун. И ещё спрашивает: — А что, твоим родителям разве не нравится их работа?

— Им? Они без неё жить не могут, а то бросили бы давно.

— А тебе, значит, не нравится.

— Нет, — говорю я. — Я никогда не хочу так, как они. У меня такое счастье было, когда я кастинг не прошёл! Мы тогда ещё пошли с папой мороженое есть. Он думал, я расстроился и меня надо утешать. И я ел мороженое с таким печальным лицом. А про себя думал: читать, читать и гулять! Свобода!

— Это ты в шесть лет читал, что ли?.. — спрашивает Джефф.

— Ну, конечно. До школы как раз лучше всего читать, пока время есть.

Мы идём с Джеффом и Стоуном. И я думаю: это могла быть фраза из американского романа. Если не называть моего собственного имени.

* * *

А время, кстати, у меня и сейчас есть. Ни у кого нет, а у меня — полно. Главное — выбрать себе правильную роль. Я и выбрал, и играю — только не в театре,

а в жизни. Я лентяй и двоечник, так привык. Мне удобно. Потому что я не хочу, не хочу ничего делать! По крайней мере, ничего лишнего. Зачем?

Я обычный, у меня и имя самое обычное — Иван. Не надо мне ставить целей, добиваться. Не надо никаких конкурсов и олимпиад. Даже уроки так, почти не надо, только для себя посмотреть, если что непонятно. Я не люблю, когда непонятно — у меня мутно делается в голове и читать мешает. Так что я в целом школьную программу знаю, экзамены сдам. Но отвечать на уроках совершенно не обязательно. Плевать я хотел. Я буду курьером. Или барменом. А в свободное от работы время — ходить и читать. Читать, читать и потом ходить, когда глаза устанут. Курьером — это ближе к ходьбе: будет такая работа, ходить; а остальное время можно читать. А если барменом — то наоборот, это ближе к еде. От еды никуда не деться, но я хочу обходиться самым минимумом. Мне хватит. Чтобы всё остальное время — читать и ходить, ходить и читать. На это ведь денег не надо. Ходить можно бесплатно.

У нас через дорогу на первом этаже бар. Туда вечером заходят люди — в костюмах, галстуках. И вот я думаю — они, значит, работают изо всех сил, устают. Чтобы вечером пойти отдохнуть в бар. И там сидеть со своим пивом, или что там им наливают. И платят они вот этими деньгами, заработанными. Отдыхают, чтоб с утра снова на работу; работают, чтоб вечером снова отдохнуть.

На редкость осмысленный образ жизни, ну.

При этом если человек просто смотрит на них в окно — он лентяй и бестолочь.

Конечно, кто-то скажет, что они работают на благо человечества. Да? Вот это тыканье в комп, в телефон. Вот эти ворохи никому не нужных бумаг в офисе, нервные телефонные разговоры, красные глаза, в результате — ура! Продал дороже! — это благо человечества, да?..

Нет, конечно, есть люди, которые реально работают. Плотники. Сталевары. Или землекопы. Во, это мои любимые — землекопы. Они все работают, мы знаем это из учебника математики. Причём одни землекопы работают в полтора раза быстрее других, зато на четырнадцать дней меньше, и сорок процентов... Чего там было сорок процентов?.. Ну, неважно. Главное, что люди в баре не похожи на землекопов и плотников.

Я никогда не буду таким, как они.

Иногда я мысленно заменяю землекопов из учебника на голых землекопов. Есть такой зверь, довольно симпатичный, кстати. Если на геометрии представлять себе голых землекопов, мир приобретает удивительный объём. Играет красками. А ещё землекопов можно поменять на землемеров. Господин Землемер. Люблю Кафку, хороший писатель, жизненный.

...На фоне посетителей бара у бармена жизнь гораздо интереснее. Ему не надо идти в бар после

работы — он и так уже там. И рано вставать не надо. Валяйся утром, читай себе хоть Кафку, хоть Стивена Кинга. Интересно, вот у этих посетителей бара есть время на Кафку? А у бармена наверняка есть.

* * *

— Ваня, давай махнёмся? Я тебе алгебру, а ты мне сочинение. Давай? А то мне реально некогда, понимаешь? Время тратить ещё на эту ерунду!

Мы идём мимо серых девятиэтажек, мимо магазина «Продукты», мимо самых обычных кустов, на них висят самые обычные капли дождя, но это всё равно очень красиво. Мы идём, не останавливаемся: мимо трамваев, мимо проводов, мимо балконов — мимо всего. То есть это Стоун идёт мимо, а я на всё смотрю. И всё вижу. Я — не мимо, я всё пропускаю через себя. А Стоуну ничего этого не нужно, он живёт внутри своей головы. У него там, как я себе это представляю, бесконечные цифры и неизвестные мне символы. Школьную алгебру он делает одной левой, думая в это время о другом; решает такие задачи, в которых мне даже условие недоступно. Реально левой: Володя Стоун — левша.

— Зачем мне алгебра? — спрашиваю я. — Я же не делаю домашку. Ты забыл? Ты мне лучше объясни вот эти отрицательные корни, я недопонял. А сочинение я тебе и так напишу. Конечно, напишу.

— Только похуже. Ладно? — просит Стоун. — Чтобы Марьяша не расколола.

Как будто первый раз. А то я не знаю, как Стоуну надо писать сочинения. Рублеными предложениями, коротко, информативно. Никаких сантиментов, голый алгоритм.

«В этом произведении автор показывает жизнь трудового народа. Жизнь эта трудная».

Это я в прошлом году ему написал. Марьяша посмеялась и поставила Стоуну четыре. Не ставить же ему тройку, он же умный.

Вообще — если бы я сам придумывал себе друзей, то с Джеффом не уверен, я бы ещё подумал, как лучше. Но Володю Стоуна я бы точно сочинил таким, какой он есть. Вернее, я не смог бы его такого придумать — воображения не хватило бы.

Стоун говорит, что всё понял про себя в семь лет. Ему отец рассказал про мнимое число — корень из минус единицы. То есть такое число не может существовать в принципе, ведь любое число в квадрате — положительное. А из отрицательного корень... как?

У меня в этом месте начинает плавиться мозг. А Стоун в своём совсем ещё нежном возрасте испытал счастье. И с тех пор главная его жизнь происходит где-то там, в числах. Даже удивительно, что он находит время вынырнуть из своего мира и обнаружить меня, например. Может, это оттого, что я с ним не спорю. Я просто слушаю. Его можно слушать бесконечно. Жалко, что он сейчас редко посвящает меня в свою мыслительную деятельность,

просто идёт рядом, и всё. Понимает, что мы с Джеффом никогда его не догоним. Но всё-таки он идёт с нами, и я этим даже как-то горжусь.

— Смотрите! — кричит Джефф, и мы останавливаемся. Я задираю голову и смотрю, смотрю. Какие высокие, узкие окна. Как водосточная труба изламывается, огибая карнизы, и весь дом — не московский совсем, узкоплечий, питерский. Я в Питере был только в раннем детстве, почти ничего не помню — только вот это ощущение, что дома устремлены вверх. Один раз зашёл в гуглокарты — и испугался: не хочу так, хочу на самом деле. И сейчас показалось — это дом именно оттуда, устремляется в акварельное небо. И там, на крыше — тень его соседа, брандмауэр жёлтого кирпича будто защищает мечтательного младшего брата от ветра.

— Где? — спрашивает Стоун. Не понимает, куда смотреть.

— Так вот же! Собака!

...Конечно, Джефф смотрел на собаку. Золотистый ретривер. Да, красивый. Джефф тоже любит красивое. Да мы все любим красивое, чего там.

* * *

Стоун начался с вот этого корня из минус единицы, а я сам начался с одного слова. До этого тоже был я, но другой; себя не осознавал, просто жил, и всё.

Родители у меня иногда уезжают со своим театром на гастроли, чаще мама — и я остаюсь с папой. Я иногда даже не замечал, что она уехала, иногда спрашивал вечером: а мама когда придёт? И папа отвечал: послезавтра. А в тот раз они уехали вместе, и меня отправили к Ане.

То есть сначала решили, что мамина подруга Аня Чумакова будет просто приезжать меня кормить. Но потом передумали — и отправили меня домой к Ане на всю неделю. В свою школу я два дня съездил на метро, а потом Аня мне сделала справку, совершенно спокойно: в школе скажешь, что болел. ОРВИ. Нечего в метро столько времени проводить, дома всё выучишь. Ничего такого нет страшного — в третьем классе неделю пропустить.

И меня тогда поразил этот подход: вроде враньё же, справка. Но ведь и правда — я честно всё выучу (я тогда ещё учился нормально); а в метро ужасная толкотня по утрам. «Наездишься ещё», — сказала Аня; и была права.

...Она старше моих родителей, но я называю её просто Аня. И живёт она в центре.

То есть про липовую справку не так уж и важно. А важно, что я вдруг жил целую неделю в совсем другом месте. И каждый день мы с Аней выходили из дома и шли. Просто шли — по уже знакомым улицам, а потом поворачивали на незнакомые, и она

мне всё рассказывала: этому дому больше двухсот лет, а тут была аптека с ещё дореволюционных времён, её закрыли совсем недавно — так и осталась старинная вывеска, видишь? Её сначала замазали, а недавно был капитальный ремонт дома — и открылось. А здесь был трамвайный парк. Причём старинный — ещё до электрических трамваев были на конной тяге, и тут у этой конки было депо. Сохранились и конюшни, и вагоноремонтный зал. Да, представляешь? А тут была подпольная типография. А в этой школе преподавала моя бабушка, совсем молодая, ещё до войны. С войной пришлось всё бросить, всё... А вот тут жил Коля Савельев, я к нему ходила физику учить. А он мне ставил Верди, такой сумасшедший Коля, оперу любил как никто — я из-за него и в училище пошла музыкальное; а папа у него был профессор химии, открыл что-то страшное и никому не рассказывал, боялся... Да, вон их дом — видишь, где на брандмауэре написано «Спартак»?

— Где написано? — спросил я.

— На брандмауэре, — повторила Аня.

И я замер. А она уже объясняла:

— Брандмауэр — это глухая стена, противопожарная, её специально строят выше уровня крыши. Чтобы если пожар — огонь не перекинулся. Да, вот эта жёлтая стена и есть брандмауэр, и та розовая тоже.

«Брандмауэр», — повторил я тихонько. «Брандмау-эр». И ещё раз. И ещё.

...И подумал, что хочу жить где-то в маленькой комнате под самой крышей. Чтобы все дома разные, у каждого своё лицо. И пусть течёт с потолка и капает в ведро — мне всё равно. Я буду тут читать и ходить. Смотреть на брандмауэры.

Это я тогда, ещё в третьем классе так решил. И до сих пор не передумал.

Мой район, кстати, тоже не совсем типовой. И дома интересные встречаются. Просто раньше я их не замечал, привык. А после этих походов с Аней у меня будто глаза раскрылись. Голову стал вверх поднимать. Какой кирпич, какая кладка. Водосточные трубы. Тени. И снег, как вот он лежит — снег. Всегда по-разному. И как ледяная рука торчит из водосточной трубы. И красное кресло в снегу на балконе. И когда включаются фонари — всё становится иначе. Проступают тени, будто кто чернильной ручкой обвёл контуры карандашного рисунка. И брандмауэры. Вот это... Стены. Глухие, молчаливые. Скрывают как будто бы что-то. Чьи-то тайны... или жизни? Окна меняются, в окнах меняется жизнь... А брандмауэры ничего наружу не показывают. Они стоят. Несут. И небо, вокруг них — небо.

Оказалось, в нашем районе тоже есть дома с такими брандмауэрами. Я все их знаю наизусть. Мне нравится это: ходить и смотреть. Смотреть и ходить. Такой вот у меня план на жизнь. Главное — время